

ГЛАВА 34. Часть первая. В тюрьме.

– Скоро девчонки мои приедут. Быстро время летит, почти полгода уже прошло. Говорят, Вить, на воле уже сезон начался, первое пати в «Хил топе» прошло.

– Да что это, Вась, за пати такие? – бросив крутить самодельные тюремные пой возмущенно отвечает Виктор. – С шести до десяти вечера, это же для детей время.

– Вить, это сегодняшняя наша реальность, только растанцуешься, – и пора домой идти. А в «Хилл Топе» раньше пати по двое-трое суток проводили. Да и что это за пати, где на девяносто процентов индусы, которым в принципе по фигу, под какую музыку кривляться. С ними не потанцуешь по-нормальному. Встанут напротив и будут разглядывать, пальцем показывая.

– Да и хрен с ними с пати, надоели. Я вот, Вась, выйду на волю и ещё подумаю, ходить мне снова на них или нет. Не осталось уже никакого фрик-комьюнити.

– Скажи, Вить, а что бы ты хотел больше всего? Чтобы ты стал делать, если бы тебя сейчас на волю выпустили?

– Я бы, Вася, устриц себе купил, и прямо сырыми бы и съел.

– Да, Вить, мне бы твои желания.

– Я бы ещё, Вась, на море хотел покупаться, маму свою хотел повидать, но ненадолго, на пару неделек. Старенькая она у меня, она ведь не знает, что я в тюрьме сижу, думает, я в горах Гималайских английский язык учу.

– А мне, Вить, ничего из еды не хочется уже. Я привык к тому, что дают. И, если другого ничего нет, то и от риса с горохом тоже кайфовать можно. Особенно, когда есть сильно хочется.

– Согласен, Вась. Но, устрицу всё равно очень хочется.

– Что-то я, Вить есть захотел. Давай, заканчивай о жрачке говорить. Скажи мне лучше, Вить, а не боишься ты одиночества?

– Раньше, Вась, боялся, а сейчас нет. Всю свою жизнь я боялся одиночества и делал всё, чтобы, в конечном счёте, остаться одному. Не специально, конечно, выходило так. Всю свою жизнь у меня болело где-то здесь, – ткнув себя кулаком в грудь, Виктор на

какое-то время стал похож на добровольца, уходящего на фронт. – А сейчас, когда я остался один, ничего больше у меня не болит. Всю жизнь мне хотелось избавиться от этой боли, а получалось избавиться только тогда, когда напивался, как животное. И здесь, в тюрьме, я понял, что не любовь всю жизнь у меня была, а чувство собственности. Во всём виновато наше дурацкое чувство собственности и чувство собственной важности. Мы же, Вась, всем обладать хотим. Была у меня подружка последние десять лет. Я думал, что люблю её, и был уверен во взаимных чувствах. Но, как только полиция меня посадила, взяла моя любовь спрятанную у меня зачку в три штуки баксов, и сбежала в Тайланд, оставив меня тут одного. Сначала очень грустно было от того, что все меня бросили. Три месяца один тут сидел, пока тебя не посадили. Ни одна сука меня не навещала. А потом я ощутил необыкновенную легкость. Легкость от того, что не нужно ни о ком заботиться. И обо мне заботиться не надо. Лучше меня самого никто обо мне не позаботится. И понял я здесь ещё одну вещь: мне никто не запрещает любить всех, кого я люблю, не обладая ими. И теперь я люблю свою подружку дистанционно, не обладая ею. И что же получается? Я эту трёшку, что она увела, зарабатывал, чтобы на неё потратить, только потратить эти деньги я хотел так, как мне казалось правильным. И думал я, что деньги зарабатываю для того, чтобы она ещё больше меня любила. А любовь, оказывается, невозможно за деньги усилить. Любовь к себе можно вызвать только безусловной любовью, и ничем больше. Тогда, когда ты не обладаешь человеком, а просто любишь, то и тебя за это просто любят. А я, Вася, всю жизнь боялся потерять то, чем владел. А сейчас я не хочу никем обладать, сейчас я хочу жить для себя. Всю свою жизнь я жил для кого-то, а теперь хочу просто любить и не требовать ничего взамен. И любить я хочу в первую очередь себя. Потому, что если себя я любить не буду, кто же захочет меня любить?

– Так-то, оно верно всё, – соглашаюсь я, дождавшись, когда Виктор закончит свою эмоциональную речь. – Но, ведь помимо безусловной любви есть ещё и условная. Любой женщине нужно, чтобы за ней ухаживали, чтобы её добивались. Любая женщина мечтает, чтобы ею обладали.

– Ага, и ею только одной, – добавляет Виктор, загадочно подняв указательный палец в небо. – А это, Вась, уже не любовь, здесь зарождается это самое дурацкое чувство собственности.

Ведь все мы по своей природе одиноки, пришли в этот мир, ничем не владея, и уйдем такими же. И поэтому, любить лучше всего в этом мире ничем не обладая, и не претендуя ни на что. Ведь как только мы начинаем обладать кем-то или чем-то, то со временем эта любовь затухает. И сердце тогда начинает болеть, посылая нам знаки, что делаем мы что-то не так. Я только здесь, в тюрьме, прекратил чувствовать эту боль, когда обладать стало совсем нечем. Я вот сидел, Вась, первые месяцы, и злился на свою подружку, злостью чуть не изъел себя изнутри, а как отпустил свою хватку собственника, так стал наслаждаться любовью к ней. И, теперь вспоминаю её и люблю, а не ненавижу. Пусть она сейчас где-нибудь с кем-то другим. Но, ведь когда любишь, то готов всё отдать, лишь бы предмету обожания хорошо было. Вот поэтому я, Вась, и не боюсь сейчас одиночества. Мы все одиноки на этой планете, и любить, как я понял, гораздо приятнее, чем быть любимым.

– Как ни странно, Вить, но мне тоже в какой-то степени на душе стало легче здесь, в тюрьме. Я последнее время на воле бессонницей мучился, подбухивал частенько, казалось, что вокруг всё что-то не так. Ни солнце, ни море, ни близкие для меня люди, – ничего не радовало, всё больше хотелось одному побыть. Понимал, что что-то не так я делаю, что не совсем правильно я живу. Мечтал английский язык выучить хорошо, мечтал мышцы подкачать, мечтал от живота избавиться, мечтал книжку написать о своей психоделической революции. И совсем не получалось у меня то, о чём я мечтал. На какую-то ерунду время находилось, а мечты всё время на потом откладывал. Живя возле моря, я купался в нём за всё последнее время всего один раз. Объелся я всеми видами удовольствий так, что честно говоря, не радовало почти ничего. И Лена моя последнюю пару лет в Россию всё рвалась. А я удерживал ее. Хотел, чтобы всё по-моему только было, хотел героем быть, хотел, чтобы ещё больше меня все любили. А чтобы любили, нужно давать то, что хотят, а я, Вить, так же как ты давал то, что мне хотелось. Хотел, чтобы дочка моя в школе училась в такой, какой у меня не было, а ей сейчас в русской больше нравится. Хотел я, чтобы жили мы там, где мне хотелось, всё я хотел по-своему. Ведь я – Бог, мне же лучше видно. А сердце мне говорило, не так должно быть всё, но я его не слушал, заглушал алкашкой последнее время. Не поверишь, иногда я в тюрьме себя представлял.

– И я, Вась, тоже.

– Вот, Вить, и допредставлялись мы с тобой. Правильно здесь, в Азии, говорят: мысли и желания материальны. Просто материализуются они не сразу, и не совсем так, как хочется. Здесь, в Азии, точно нужно знать, что желаешь, и ярко себе это представлять. А мы с тобой, Вить, не знали, что ещё и пожелать. Ничего уже не радовало, вот здесь и оказались. А не кажется тебе, Вить, что когда на сердце всё хорошо и спокойно, то скучно жить снова становится? Не бывает ведь Рая без Ада. Помнишь, месяц назад я давал тебе книжку Кундеры? Так вот, я так же скучаю по невыносимой тяжести бытия. А от невыносимой легкости повеситься хочется. Не выход это, – одиночество с безусловной любовью. Хочется контрастных чувств. Как можно любить, не зная, что такое ненависть? Хочется, Вить, всего спектра чувств, а не тех, что тебе сейчас позволены. Знал я одного одиночку, который всех, безусловно, любил и сам вроде счастлив был. Раньше его можно было на всех пати повстречать. Серёга Одесский его звали. Он здесь жил, ещё до твоего приезда в Гоа, дед с виду лет семидесяти, длинные белые волосы, борода седая до груди, всё время с шарами железными в ладонях танцевал. Всех любил. В мунсун повесился он в Арамболе. И записку предсмертную оставил. Написал, что ему всё стало понятно и скучно в этой жизни. Написал, что пошёл дальше, в другое измерение.

ГЛАВА 34. Часть вторая. На воле.

– А, может быть, вместе поедем в Непал?

– Нет, дорогой. Ты был в Тайланде, а я хочу в Россию.

– Вот так вот, Лен, всегда, – рассуждаю я вслух, намазывая на хлеб смесь из взбитого авокадо и чёрной икры. – Только получилось заработать немного денег, как сразу нужно их потратить на всякую ерунду. Ты понимаешь, что здесь, в Гоа, пять штук баксов, как в России пятьдесят, здесь на эти деньги можно сезон жить, ни в чём себе не отказывая. А в рашку слетать и обратно, – тебе с Василинкой, максимум, на два месяца хватит, причём, экономя на всём.

– Ты меня, дорогой, не разубедишь, я по России соскучилась.

– Я, Леночка, волнуюсь, что тебе там понравится, и ты там останешься, – наигранно пытаюсь я всеми способами повлиять на её решение.

– Ой, только не надо драматизировать. Я не только отдыхать туда еду, я квартиру нашу попытаюсь сдать, и про твой розыск надо всё уточнить. Не переживай, через два-три месяца вернусь, устала я от Гоа. Устала от туристов, которые, как дети-несмышлёныши, ничего сами сделать не могут, устала от того, что ты наркотиками торгуешь. Непокойно мне от всего этого. Устала от друзей твоих, которые показывают себя здесь не с лучших сторон. Валера Мулик со своей подружкой жили у нас, ели с нами, на пати вместе ходили. А как дело до работы дошло, я одна должна вкалывать.

– Да, Лен, согласен. Мулик странно поступил. Узнал, где я наркотики покупаю, узнал мою клиентскую базу и свалил, заняв денег. Правда, думаю я, не стал он работать у нас по другой причине. Вряд ли он будет моим конкурентом. После истории с русскими ментами он постоянно находится на параноях. Совсем ему больше не хочется ментам в руки попадать. Тут я его понимаю. Да ещё эта история со смертью Серёги Челябинского повлияла на него. Не хочет он больше наркотики продавать. И я его в этом понимаю.

– Скажи мне честно, Василь. Это ты Серёге перед смертью МДМА и ЛСД продавал?

– Слава Богу, нет. Я много раз думал, Лен, есть ли моя вина в его смерти. В последний раз Серёга сам предложил мне сто грамм МДМА купить. Он тогда с израильскими драг-дилерами познакомился и даже помог мне МДМА достать. Мы с ним по пятьдесят грамм купили. Я за неделю свои не продал, а он за это время с друзьями все пятьдесят грамм снюхал. Не удивительно, что с такого количества рассудок у него расстроился. А как всё кончилось у него, разделся он догола, сел на байк, приехал на Панджимский мост и бросился в воду. Выловили его, дурака, а он опять со словами: «Я – Шива», вниз головой сиганул. Нашли его после этого только через трое суток.

– А может, все-таки останешься? – уже без надежды спрашиваю я Лену, собирающую свой чемодан. В Непал на самолёте полетим? Никаких поездов и автобусов больше. Обещаю. На пять тысяч долларов знаешь, как зажжем там.

– Знаю, Василь, хватит с меня, опять вечерами накуренные будем на обезьян, ворующих кукурузу смотреть. Или в кукурузном поле, обдолбанные «димычем», трахаться. Ты опять там дворец непальский с крысами арендуешь, а хозяйство мне вести.

– У нас же, Лен, уборщица была, – пытаюсь возмущаться я.

– Да в гробу я видала непальских и индийских уборщиц! Им сколько не плати, всё равно за ними всё переделывать надо. Они же дикие, как обезьяны, от них убытка только больше.

– А что ты, дорогая, против секса в кукурузном поле имеешь? По-моему неплохо было.

– В кукурузном поле, так же, как и на пляже, один разок – это романтично. Не хочу я больше трахаться ни на кукурузном поле, ни на пляже. Не хочу вообще ближайшие три месяца трахаться, хочу соскучиться по тебе. Надоел ты мне со своей психоделической революцией. Всё, не хочешь испортить прощальные вечер перед нашим отъездом, больше к этой теме не возвращайся. Я решила, мы с Василиной едем в рашку.

– Привет, Оля, давно тебя видно не было, – удивленно обращаюсь я к нашей бывшей постоялице, пропавшей пару месяцев назад. Мы думали, что ты уехала уже. Или переела наркотиков, и флипанула. Хотели твои вещи выбросить. И вообще, странно ты как-то, Оля, выглядишь.

– А что, Вась, во мне странного?

– Ты считаешь, что мужские брюки и майка-безрукавка на пять размеров больше твоего – это нормально? И где твоя обувь?

– Мне без обуви ходить больше нравится. Что ты придираешься? Мы же в Индии.

– Да я не придираюсь, Оля. Просто ощущение, что ты в полёте.

– А ты, Вась, не в полёте сейчас?

– Нет, Оля, у меня с рассудком всё в порядке. В полете у меня сейчас семья. Я вчера их в рашку проводил. Сейчас они как раз к Москве, наверное, подлетают. Савсэм адын остался, – произношу я с грузинским акцентом фразу, вспомнив старый анекдот.

– Это хорошо, Вась, что вы мои вещи не выкинули. Я как раз за ними приехала, хочу на почту сейчас их отвезти, и в Москву отправить. Кстати, вы мне никаких наркотиков в вещи не подложили? Я ведь всё проверю.

– Оля, у тебя с головой всё в порядке? Зачем нам тебе что-нибудь в вещи класть? Мы их выбросить собирались, вот забирай свои вещи и езжай на почту, – раздраженно говорю я, ставя большую сумку у её ног. Могу тебе такси вызвать, чтобы ты быстрее уехала. Увидимся в следующем сезоне, надеюсь, в России рассу-

док к тебе вернется. А я пойду на море гулять, люблю я в апреле один по берегу прогуливаться.

– Францис! – кричу я хозяину дома, намывающего своего племенного быка, привязанного к пальме. – Помоги моему жильцу, вызови машину до Мапсы. Девушка на почту хочет съездить, – торопливо спускаясь по лестнице, я сбегаю подальше от спятившей Оли.

В апреле я действительно люблю гулять по морю, особенно ранним утром. Но, даже сейчас, когда солнце уже прогревает, подойдя к морю, я снова чувствую волнение в груди, схожее с тем, что я чувствовал в первый раз оказавшись здесь. Бескрайние пляжи, как будто гипнотизируют своей красотой. До горизонта не видно никаких надоевших туристов. Только рыбаки, возвращаясь с рыбалки на своих старых деревянных лодках, слегка нарушают гармонию дикой природы. Но, и они как-то гармонично вписываются в прекрасный пейзаж, не меняющийся сотни лет. Музыка разбивающихся волн нарушает изредка лай собак и отрывистые крики жён рыбаков, шумно делящих улов своих мужей. Рыбаки молча распутывают сети, бросая в корзину не крупную макрель или гоанскую камбалу – помфрет. «Что же происходит здесь, в Гоа, с головами людей? Почему столько много персонажей сходит здесь с ума?» – размышляю я после недавней встречи с Ольгой. И вообще, где эта грань между сумасшествием и нормальным состоянием? Как так получается, что люди теряют эту грань? А может, я тоже сошёл с ума и просто ещё не понимаю этого?

– Хай, Вашья, – громким криком прерывают мои мысли знакомые рыбаки. – Свежая рыба, новый, ыды сюда пасматры! Хочешь, мы её тебе прямо сейчас пожарим в нашем ресторане? -показывая необыкновенной красоты рыбу, говорит мне знакомый рыбак по имени Ганеш.

Вытащив из корзины, он показывает мне рыбу, формой похожую на окуня, только больше, в две ладони длиной и с необыкновенной для этой местности раскраской. Ярко лимонного цвета в голубую полосу, она больше напоминает мультяшную. Интересно, как она сюда попала? Таких рыб я видел только по телевизору в фильмах о коралловых рифах.

– Всего сто рупий, – указывая на свой ресторан, предлагает мне радостный индусский рыбак.

– Интересно, как твоя рыба-то называется? – спрашиваю я, зачарованно разглядывая гоанскую золотую рыбку. На пару секунд

войдя в тупиковое состояние, Ганеш глупо смотрит на рыбу, не зная, что ответить. Но, смекалка от желания получить сейчас сто рупий, спасает его.

– Колор-фиш, йес, итс нэйм колор-фиш¹!

– Хорошо, Ганеш, уговорил ты меня. Только скажи мне, ты хоть когда-нибудь ловил такую рыбу? Может она не съедобная?

– Нет, – машет он мне головой, сделав простодушное лицо, – но отец мне говорил, что ловил когда-то такую, говорил, что очень вкусная, – начинает оправдываться рыбак, опасаясь, что я побоясь пробовать новую рыбу.

– Хорошо, уговорил, – отвечаю я, располагаясь за пластмассовым столом в пустом шейке под кокосовой пальмой. А почему бы и не позавтракать во второй раз? Тем более, что возвращаться и общаться со спятившей Олей сейчас совсем не хочется. Вряд ли она уже уехала. «Почему же люди перестают чувствовать ту грань, после которой нет обратного пути», – продолжаю я размышлять об Оле, ожидая, пока мне пожарят необычную рыбу. Ведь есть же у наркотиков и обратная сторона медали. Обраточки, или отходнячки, которые дают нам знак, что нужно остановиться. Ведь организм же подсказывает мозгу, что всё, пора отдыхать. Ведь мы же живем в век доступной информации. Можно же заглянуть в интернет, чтобы узнать всё о том наркотики, который употребляешь. Можно же заранее узнать, сколько можно безвредно съесть того или иного вещества. Конечно же, я не святой, и сам могу десять доз за сутки съесть, и догоняться с утра так же люблю. Но, нужно же уметь останавливаться. Или, в крайнем случае, есть алкоголь, можно напиться и уснуть. Сам так практикую последнее время. Но, чтобы больше времени находится под наркотиками, чем спать – это, действительно, сумасшедшим нужно быть. Если любишь «зажигать», то нужно уметь и отдыхать. А сколько времени могли без остановки «зажигать» те, которые уже не дожили до конца сезона, или те, кто спятил, как Оля или как Ваня. Они же вообще не возвращались в трезвое состояние по несколько месяцев. Бедный мозг такого вот психонавта, как компьютер, просто перегревался и зависал. Не понимаю я их. Мне вот, после суток психоделического эксперимента, ни на какие наркотики смотреть не хочется.

– Ваша рыба, – ставя передо мной поднос, улыбаясь, говорит жена рыбака.

¹Колор-фиш, йес, итс нэйм колор-фиш – разноцветная рыба, это разноцветная рыба

«Надеюсь это не рыба-фугу?» – с улыбкой думаю я, откусывая первый кусочек.

– Васья, Васья, – кричит мне Францис, увидев меня ещё издали. – Тут такое было, такое было! – не находя слов, машет руками хозяин нашего дома.

– Что случилось, Францис? Только помедленнее говори, твоего английского, состоящего из десяти слов, я не понимаю.

– Вызвал я машину, как ты просил для подружки своей, брату своему позвонил. У него машина красивая, красная. Отвез он её на почту, отправила она там посылку и вернулись они назад. Брат мой говорит: «Давай пятьсот рупий», ты же знаешь, Вася, это недорого, это цена по дружбе, а она дает ему пуговицу от рубашки и говорит, что эта пуговица дороже стоит. Говорит, что денег не даст. Поднялась она к тебе на балкон, разделась догола, и давай, хохоча, покрывало на куски рвать. И всё это видят мои соседи, мои дети, и вообще, здесь живут приличные католики, а тут стыд такой. Потом одела она твои ниндзя шузы, обмоталась покрывалом и убежала в сторону моря. Мне кажется, она сумасшедшая. Ты её больше сюда не приводи.

– Не волнуйся, Францис, я всё понял, ты иди, домывай своего быка, а то мне кто-то по телефону звонит, – говорю я, доставая трубку.

– Алло, Паша, привет, рад тебя слышать, – здороваюсь я по телефону с консулом русского посольства в Бомбее. С Павлом я познакомился у себя в ресторане, в начале этого сезона.

Модно одетый, приятный парень, я ни за что бы не поверил, что он работает в посольстве, если бы он не дал мне свою визитную карточку. Паша был настоящим фэзсбэшником. Наркотиков он не употреблял, не курил, но с удовольствием мог выпить, короче выглядел он, как нормальный, в моём понимании, человек. Несколько раз он помогал в сложных ситуациях моим друзьям, и поэтому знал номер моего телефона.

– Аллё, ты где сейчас, Паша? В Бомбее или на выходные опять в Гоа приехал?

– Некогда мне, Вась, сейчас в Гоа ездить. Ты же знаешь, моя работа спятивших и мёртвых односельчан на Родину отправлять. А этот сезон, как никогда, горячий для меня был. Четверо трупов за последние два месяца. Наркоманы ещё спячивают чуть ли не

каждый день, один за другим. Только на той неделе одного вашего брата на Родину отправил. Нажрался наркотиков, и сжег свой паспорт от радости. Родители приехали его забирать, а он ни в какую. Говорит, не поеду, хочу в Гоа остаться жить. Пришлось успокоительные таблетки ему в колу подсыпать. Кое-как отправили. Я тебе, Вась, по делу звоню. Сегодня разговаривал я с одним голландским бизнесменом, у него в Москве крупное рекламное агентство. Лет десять уже в России живет. Говорит, пропала у него подружка русская в Гоа, когда он с ней по телефону разговаривал, то понял, что спятила она. Говорит, что тоже возвращаться не хочет. Начала на пати ходить и умом тронулась. Не слышал о такой? Оля зовут?

– Скажи честно, Павел, ты что, за мной через спутниковый телескоп следишь? Она полчаса назад в моих ниндзя-шузах убежала в неизвестном направлении.

– Нет, Вася, не такого ты калибра, чтобы за тобой по спутнику наблюдать, – смеётся в трубку Паша. Если найдешь её, позвони мне в посольство, я тебе телефон голландца дам, он готов хорошо оплатить работу по её отправке на Родину.

– Хорошо, Паш, я попробую её найти, и прикину, сколько будет стоить её в Бомбей перевезти и на русский самолёт посадить. Да и поговорить мне с ней сначала нужно, может, она меня и слушать не захочет.

Отключив трубку, я стою какое-то время молча, представляя её возможные пути передвижения. Надо бы Серёге Терешкову позвонить, он один в Анджуне сейчас среди русских остался. Может, слышал что об Оле.

– Аллё, привет, Серёга. Ты не встречал в Анджуне одну русскую сумасшедшую девушку? Оля её зовут.

—Здорово, Вась. Да, была у меня несколько дней назад такая, еле выгнал. У нее крыша течёт конкретно. Я ей штуку рупий дал взаймы, найдешь, пусть тебе передаст. Её кто-то в Морджиме с одним англичанином видел. Живет, говорят, в каком-то желтом домике возле моря, недалеко от «Главфиша».

– Спасибо, Серёг, за информацию. Попробую её найти.

Сев на свой скутер, я через пятнадцать минут был уже в соседней деревушке, расспрашивая рыбаков о желтом доме возле моря.

– Здравствуйте, – обращаюсь я к англичанину, сидящему на желтом балкончике с джойнтом в руке. – Я ищу одну очень странную русскую девушку, Оля её зовут, не знаете такую?

– Да, знаю. Жила у меня тут неделю, цепочку золотую и мои брюки украла. Оставила мне свои тряпки грязные и сбежала. Сумасшедшая она, ей лечится надо. Говорят, на Арамболе видели её с какими-то русскими. Найдешь её, передай, чтобы цепочку вернула.

– Спасибо, передам, – говорю я, садясь на свой скутер.

Центральный пляж Арамболя, к которому спускается единственная главная дорога, в конце сезона наводит на печальные мысли. Редкие, всё ещё работающие рестораны, грустно скучают среди пустых прорешин уже разобранных, и ещё недавно шумных соседних заведений. Сейчас пляж Арамболя, если посмотреть на него со стороны моря, похож на рот сумасшедшей старой фрички, которая клянчила у меня деньги, когда я слазил со скутера. Она была в грязной, порванной одежде, со включенными волосами и абсолютно сумасшедшим взглядом. Улыбалась она мне, скаля свой беззубый рот, в котором желтые редкие зубы были окружены чёрными гнилыми прорешинами. В одном из оставшихся, старом, пожелтевшем за сезон прибрежном ресторанчике, я вижу компанию русских, шумно пьющих тёплую русскую водку, привезенную, видимо, с Родины.

– Здорово, хлопцы. Я тут русскую тёлку ищу. Не в себе она немного, во флипауте находится, Оля её зовут.

– Это которая в мужских брюках ходит? Знаю я эту суку. Поймаю, порву её, – начинает, размахивая руками, объяснять самый пьяный из компании. Я клавишник группы «Сплин», а она у меня дорогой фотик взяла, отдала кому-то, а сама сбежала. Увижу, убью ее, там все фотографии за две недели отдыха.

– Успокойся, клавишник группы «Сплин», – похлопывая его по плечу, обращаюсь я к пьяному парню. Ей доктор нужен, сумасшедшая она. Ты, небось, когда трахал её, не задумывался про это. А сейчас вспомнил про фотик. Забудь. Раньше нужно было думать.

– На малом пляже я видел её сегодня, – еле ворочая языком, говорит его друг, развалившись на стуле. Если найдешь фотик, передай мне, за мной не заржавеет.

– Хорошо, только я её утром видел, не было при ней уже никакого фотоаппарата, – отвечаю я, направляясь в сторону маленького пляжа.

Пройдя всего пять минут, я вижу нашу Олю, меланхолично обрывающую мелкие белые цветы, растущие на кустарнике по краям тропинки.

– Привет, красавица. Ну что, набегалась? Может быть, домой пора? В Россию? – стараясь говорить я заботливым тоном, боюсь, что она снова убежит.

– Как скажешь, – по-детски вздыхая, говорит Оля, беря меня за руку, словно маленькая девочка.

– Паспорт у тебя хоть есть, Олечка? – с надеждой спрашиваю я, мечтая о легком заработке, но,

не дождавшись ответа, уже предполагаю тот геморрой, который придётся мне решать.

– Нет, я его выкинула, там всё равно виза уже закончилась.

– Замечательно Олечка, придётся восстанавливать, работы, как минимум, на неделю. Нужно будет посещать полицейский участок и посольство. Поехали, сначала одежду тебе купим. А то негоже красивой девушке в таком виде по улице ходить, – пытаюсь я говорить как можно более играючи. – А потом позвоним твоему жениху, он нам денежки обещал выслать, чтобы отправить тебя к нему.

– Трое суток ты уже живешь у меня, Оля, а я всё не пойму, придуряешься ты, или нет. Скажи мне, Оль, как же так получается, что ты, умная девушка, закончившая университет на психолога, взяла и сошла с ума? Ты же умнее меня должна быть.

– Я сама, Вась, не понимаю, я вроде как нормальная. А все меня сумасшедшей считают.

– И как же тебя нормальной считать, если я вынужден от тебя ножи и ножницы прятать? Ты мне сколько уже обещала волосы свои не трогать? И, как только я отворачиваюсь, ты снова сразу, чем попало, пытаешься их отрезать.

– А чего, Вась, тут ненормального, если я налысо хочу подстричься?

– Я, Оль не против, только приедешь домой, и стригись сколько угодно. И вообще, ты чего вытворяешь? Отрезала себе локон, пока я по телефону разговаривал, и начала поджигать его в моей чашке для чая.

– А где мне это нужно было сделать? – спрашивает Оля, сделав удивленное лицо, как-будто все сжигают свои волосы в чайных чашках.

– Оля! Что за вопрос «где»? Почему ты это делаешь, если я просил тебя этого не делать в моём доме? И скажи мне, зачем ты, Оля,

взяла у уважаемого клавишника группы «Сплин» фотоаппарат и куда ты его дела?

– Взяла я пофотографировать. Что тут такого? Просто ко мне на пляже подошел один индус и сказал, что он больной какой-то заразной, смертельной болезнью. Я и подарила ему фотик, и цепочку золотую отдала.

– Но, ты сама, Олечка, погоняй в своей голове мысли – нормально это или нет, отдавать чужие вещи первому встречному?

– А что тут, Вась, ненормального? Больному человеку нужнее деньги, чем мне или чем музыканту.

– А ты не задумывалась, Оля, что тебя обманул этот индус?

– А мне это не важно, у меня жених голландец, он миллионер. Он влюблен в меня, и пришлёт любые самолёты и вертолеты, чтобы меня выручить, поэтому мне всё пофигу. Думай, что хочешь про меня, всё равно он и тебя купил.

– А то, что ты тут с разными мужчинами жила, он знает? Или у вас свободные отношения?

– А мне всё равно, Вась, я его не люблю. Я никого не люблю. Я могу позволять любить себя и вообще, я возвращаться не хочу, мне всё пофигу.

– Я уже понял всё, успокойся, – соглашаюсь я, пожалев, что поднял эту тему. – После сегодняшней поездки в полицейский участок я окончательно понял, что тебе всё пофигу. Если бы я не дал взятку начальнику полиции, нам бы ни за что справку об утерянном паспорте не дали. А может быть, ещё бы и оштрафовали за оскорбительное поведение. Зачем ты свою майку себе на голову натянула у начальника в кабинете?

– А что он на мои сиськи пялился?

– И ты решила ему их показать?

– Нет, я решила лицо свое спрятать, для этого майку и задрала.

– А почему ты категорически отказалась вторую туфлю на ногу одевать? Почему в одной туфле в полицию ездила?

– А ты, Вась, разве не читал сказку про Золушку? Что я, не могу себе позволить в Гоа Золушкой побыть?

– Всё, Оля, я сейчас сам от тебя с ума сойду. И перестань ходить без трусов и в моей рубашке по балкону, внизу католики приличные живут, они и так уже в шоке от твоих выходок. Мне кто-то по телефону звонит, я сейчас буду разговаривать, но знай, я за тобой одним глазом внимательно слежу, не вздумай ничего вытворять.

– Алло, здравствуй, Павел.

– Привет, Василий, как поживает наша сумасшедшая?

– Вроде не сильно буянит, вот только как бы самому с ума не сойти от неё. Она вроде с одной стороны нормальная, а с другой – потеряла она где-то на пати свой мозг. Собрал я все справки об утере её паспорта, и завтра самолётом к вам в Бомбей вылетаю. Созвонился я с её спонсором, за штуку баксов договорился восстановить её документы и посадить в самолёт до Москвы. Он и деньги мне уже перевёл.

– А у тебя, Вась, частный детектив из Бомбея был?

– Да, заезжал. Про Ольгу спрашивал, только я не понял, зачем нас обоих наняли? Я же её жениху-спонсору сказал, что найду её и доставлю. Зачем ещё какого-то индуса нужно было нанимать?

– Их, Вась, миллионеров, не поймёшь ты никогда. У него просто денег куча, вот он и подстраховывается. Любит, видимо, эту дуру сильно.

– Ты бы видел, Паша, какой концерт она тут перед индусским детективом устроила. Я всего лишь спросил, не хочет ли она, чтобы индус её сопровождал до самолёта. А она как закричит бешеным визгом на всю деревню, сорвала с себя всю одежду и давай голая по парапету крыши бегать. Я за ней на крышу побежал, думал, сам разобьюсь, а индус этот, увидев такое шоу, схватил свои туфли и бежать. Больше его я не видел.

– Да, Вась, держись, понимаю тебя, сам с сумасшедшими работаю. Надеюсь, у вас больше приключений не будет. Всё, пока, завтра жду вас в посольстве.

– Оля, сейчас приземлимся, пожалуйста, пообещай слушаться меня. И, давай договоримся, никаких больше прятков в туалете.

– Я и не пряталась, мне просто в туалете больше нравилось ожидать самолёт, там никто не пялится на меня.

– Да, только чуть самолёт без нас не улетел, хорошо я англоговорящую женщину нашёл, и послал за тобой в туалет. Нам осталось с тобой всего пару суток в Бомбее пробыть и потом домой, к маме. Или к жениху своему, как тебе угодно.

– Оля, пожалуйста, остановись, нас машина собьёт, – кричу я ей на бегу, стараясь не отставать.

Мы бежим по разделительной полосе оживленного бомбейского шоссе. Встречные машины сигналият нам, мигая фарами. Впе-

реди легко и непринужденно, с улыбкой бежит Оля, и позади я, с красным лицом и пакетами, наполненными всяким женским барахлом. Резко пересекая улицу и чуть не попав под машину, она, ускорившись, отрывается от меня метров на сто и подбегает к пятизвездочному отелю «Тадж Махал». Запыхавшись, я вбегаю в шикарное фойе и вижу, как она уже заказывает себе дорогой номер, как ни в чем не бывало, развалившись в кресле.

– Пожалуйста, остановитесь. Эта девушка сумасшедшая, – пытаюсь объяснить я на своём ломаном английском.

– Вася, я никуда отсюда не уйду. Звони моему жениху, пусть высылает ещё денег. Я буду ночевать только здесь.

– Алло, Джон? Это Василий, мы сейчас в «Тадж Махале», здесь самый дешевый номер стоит триста пятьдесят долларов в сутки, Оля заявляет, что никуда отсюда не уйдет. Вы готовы выслать ещё денег?

– О'кэй, – слышу я короткий ответ в трубке.

– Оля, хороший у тебя друг. Но, я бы на его месте тебя бы давно послал куда подальше. Ты ведь не спятила. Ты просто капризная, избалованная девчонка, которая уже не знает, чем себя развеселить. Я тебя раскусил.

– Думай, как хочешь, Вася. Но, я всё всегда делаю так, как я хочу. Не хочу я вот сейчас в лифте с этими индусами ехать.

Дождавшись пока подъедет огромный шикарный лифт, Оля вбегает первой и, загораживая проход скопившимся возле входа индусам в дорогих костюмах, начинает кричать.

– Я не поеду вместе с этими обезьянами, пусть все проваливаются. Я белая женщина.

Готовый провалиться сквозь землю, я знаками показываю индусам возле лифта, что я тут не причём, что она сумасшедшая, и, опустив от стыда глаза, боком прохожу в лифт.

– Как же я устал от тебя, Оль. Я ложусь спать на пол. А ты можешь наслаждаться шикарной кроватью, только знай, я не сплю. Если я с закрытыми глазами, значит, я отдыхаю и не вздумай ничего вытворять. Знай, я всю ночь буду за тобой присматривать.

– Доброе утро, – потихоньку бужу я спящую, как ребенок, Олю. – Давай, красавица, сделаем последний рывок, сейчас поедем в полицию, поставим печать, потом у Паши заберем дубликат паспорта – и всё. Завтра будешь уже у мамы.

– Знаешь что, Вася, звони в посольство, пусть они сами сюда приезжают, и полиция пусть сама сюда едет. Скажи всем, что я по-

шла в спортзал, – совершенно серьёзно заявляет Оля, демонстративно медленно одевая белый халат на голое тело.

– Ну что же, Олечка, мне с тобой делать? Жениха ты своего слушать не желаешь, может быть, маму послушаешься? Давай ей позвоним?

Набираю по телефону московский номер, я отворачиваюсь к окну, чтобы не видеть, как Оля широко раздвинув ноги сидит в кресле, не стесняясь, оголив свои прелести. За окном, внизу, возле бассейна, мирно загорают в шезлонгах несколько индусов. Интересно, для чего они это делают? Их природному загару позавидовал бы любой европеец. Большинство обычных индусов, наоборот, прячутся от солнца, покупая различные крема, якобы отбеливающие кожу, – в надежде приблизится цветом кожи к белому человеку. Эти же продвинутые, видимо копируют поведение богатых белых людей, в надежде избавиться от комплекса неполноценности.

– Оля, пойди сюда, я до мамы твоей дозвонился, – говорю я, повернувшись в пустую комнату.

Дверь в коридор открыта настежь, и только белый махровый халатик лежит на полу.

– Татьяна Петровна, я вам перезвоню позже, ваша дочь только что убежала из номера совершенно голой.

Этого мне ещё не хватало. Чёрт, от меня сбежала голая сумасшедшая в пятизвездочном отеле. За что мне такое наказание?

Обойдя все шестнадцать этажей и не найдя её, я иду сдаваться в ресепшн. Кое-как объяснив, что у меня за проблема, я прошу помощи у администрации. Выслушав меня внимательно и не проявив никаких эмоций, менеджер вызывает мне на подмогу службу безопасности. Приходится объяснять всё заново и, практически, большую часть жестами:

– Я сопровождающий, а она – психически больная, я не сумасшедший, и не её друг, мне деньги заплатили, чтобы я посадил её в самолёт. Она голой убежала в вашем отеле. Вот она, – протягиваю я маленькую фотографию Оли. – Помогите мне её найти.

Снова обойдя вместе с охранниками все шестнадцать этажей, мы нигде её не находим. Стоящие возле входа швейцары заявляют, что голые девушки из отеля не выбегали. Соединившись по рации со службой внутреннего видеонаблюдения, охранники сообщают, что есть видеозапись с камеры из коридора, где видно, как она забежала в открытый номер напротив, который случайно забыла закрыть горничная.

– Мадам, откройте немедленно номер! – кричит в дверь женщина-охранник, одетая во всё чёрное.

Открыв дверь запасным ключом, мы все толпой заваливаемся в номер. Я первым вижу голую Олю, сидящую в ванной и бреющую себе лобок. Нисколько не смутившись, Оля делает глоток виски из стоящей рядом бутылки, словно перед ней стоит её личная служба безопасности.

– Вы должны покинуть наш отель немедленно. От вас слишком много неприятностей.

– Но, нам нужно ещё одну ночь провести где-то, мы готовы платить и я обещаю, такого больше не повторится, – пытаюсь я объяснить не улыбающемуся начальнику службы безопасности.

– Нет, это ваша проблема, для вас в нашем отеле больше мест нет.

Быстро собрав вещи, мы вынуждены покинуть шикарное пятизвездочное жильё. Проездив весь день по различным офисам, мы, наконец-то, под вечер собираем все справки, разрешающие Оле покинуть страну.

– Оля, у меня такое впечатление, что ты специально надо мной издеваешься весь день, – обращаюсь я к своей подопечной, закинувшей свои длинные ноги на меня. Посмотри, таксист уже на дороге не смотрит, а только пялится в зеркало на твои ляжки. С утра ты убежала голая в отеле, потом в иммиграционном офисе ты опять спряталась в туалете, потом ты устроила прятки в коридоре посольства, а теперь ещё сводишь с ума этого мусульманского таксиста. Сейчас мы приедем в недорогой отель, в дорогой нас уже не пустят. И будем сидеть там сутки до твоего отлета. Больше ты от меня не убежишь. Я теперь с тобой в туалет ходить буду.

Вот уже несколько часов я брожу по закоулкам Бомбея, пытаюсь найти снова убежавшую от меня Олю.

– Привет, Женёк! – удивленно кричу я повстречавшемуся мне на улице знакомому гоанскому ди-джею. – Как же я рад тебя по-встречать! Какими судьбами в Бомбее?

– Я, Вась, в кино ездил сниматься. Немного денег подзаработал, вот собираюсь завтра в Гоа возвращаться. А ты чего, Вась, такой взволнованный, что случилось?

– Женёк, выручай, я в такую историю попал. Я тоже в Бомбее на заработках, только у меня свое кино. Денег мне заплатили, что-

бы я одну сумасшедшую в самолёт посадил, очередной гоанский флипаут. Всё бы хорошо, да только непростая она сумасшедшая. Всю дорогу с ней одни неприятности. Сегодня нас из пятизвездочного отеля выгнали, поехал я с ней в полицию, поставил там все печати для выезда, купил сегодня ей билеты до Москвы, даже договорился, чтобы стюардесса в самолёт её проводила. Приехали на Колабу, в отель селится, а она, пока я с таксистом расплачивался, снова убежала от меня. Я уж и в посольство сообщил и в полицию, и в отель, из которого нас выгнали, фотку её отнес. Скоро ночь, здесь ведь трущобы вокруг, до темноты, если не найдется она, очень плохо. Порвут ведь её, как хомячка тут, она ведь блондинка симпатичная, вдобавок и похотливая блядь. У неё ни денег, ни документов, ничего с собой нет. Пойдём, походим вместе. Может, встретим её где-нибудь. Я за последние три часа уже несколько районов обошел.

– Ну, если симпатичная похотливая блондинка, то можно и поискать, – улыбаясь, соглашается Женя.

– Женёк, она сумасшедшая. Нельзя трахать сумасшедших, и не улыбайся так, ей помощь нужна.

Из одного из моих карманов я снова слышу индийскую мелодию моего телефона.

– Алло... Спасибо, через пять минут будем. Женёк, из «Гадж Махала» позвонили, просят срочно забрать её оттуда, говорят, она в ресторане на диванчике разлеглась, и уходить не хочет.

За пять минут добежав до отеля, я снова стою напротив моей сумасшедшей. Стоящий рядом охранник объясняет мне, что она начинает громко кричать, если кто-то пытается до неё дотронуться. На столе рядом с недоеденным куском торта и бутылкой вина лежит счет на полторы тысячи рупий.

– Кому оплачивать счет? – спрашиваю я, доставая деньги.

– Не надо ничего оплачивать, только забирайте её, уходите поскорее, и больше никогда не возвращайтесь. У нас здесь через пятнадцать минут международная конференция начинается, мы не хотим никакой полиции, только уходите побыстрее.

– Олечка, пойдем дорогая, – пытаюсь установить я контакт, говоря как можно ласковее.

– Никуда я отсюда не пойду, – вполне агрессивно заявляет моя сумасшедшая. – Я буду жить в этом отеле столько, сколько захочу.

– Может ты, Женёк, попробуешь? – говорю я на ухо своему другу, ошеломленно стоящему в стороне.

– Никогда ещё у меня не было опыта знакомства с сумасшедшими, давай попробую.

– Девушка, а девушка, можно с вами познакомиться? – включается в этот сумасшедший спектакль Женёк. – А что вы тут одна скучаете? Можно я к вам подсяду?

Через десять минут, держась за руки, они спускаются в фойе, словно нормальная пара. Разговаривая и улыбаясь.

– Женёк, ты красавец, как тебе удалось?

– Женщины, хоть и сумасшедшие, тоже ласку любят. А вы напугали бедную девочку.

– Слушай, Жень, если у тебя так хорошо получается, может, сопроводишь её, я тебе пятьсот баксов дам. Посади её завтра вечером на самолёт. У меня все документы уже готовы, билеты куплены, нужно только с ней побыть до отлета, а то я больше не могу, меня уже трясоти от нее начинается. Я бы в пять утра уже в Гоа улетел. У меня от неё уже нервная аллергия, мне срочно на реабилитацию, в Гоа, нужно.

– Вась, давай так сделаем. Я с ней до четырех утра побуду. Если контакт налажу, то я подпишусь на это дело, а если она начнет со мной играть в свои игрушки, извини, сам с ней нянчись. Ты пока, Вась, спать иди, а я тебе под утро позвоню.

Зазвеневший телефон спасает меня от двух санитаров, гонящихся за мной во сне со смирительной рубашкой. В темноте номера я вижу высветившийся номер Женька на моём сотовом телефоне. Неужели опять сбежала?

– Аллё, Вася, спускайся вниз, я тебя на улице жду, контакт с ней установлен.

Словно ничего не произошло, Оля снова стоит возле входа, строя мне глазки и улыбаясь.

– Спасибо тебе, Женёк, неужели я сейчас полечу домой, в Гоа? Сейчас четыре часа утра, через час самолёт. Где же ты с ней был всю ночь?

– А мы с ней вокруг отеля гуляли, она неплохая собеседница, заговаривается иногда, но это в рашке у неё пройдет.

– Вот тебе, Женёк, пакет с её документами, – говорю я, садясь на корточки возле входа в маленький отель. Садись рядом и слушай внимательно. Это – справка из арамбольской полиции, что она потеряла паспорт, это – справка из пернемской полиции, что у них претензий к ней нет, это – справка из панджимской полиции, что они не против, что она уезжает, это – справка из Бомбейской

полиции, что штраф за просроченную визу уплачен, это – справка из посольства, подтверждающая её личность, а это – билет на самолёт. Я тебе сейчас на расходы денег дам, и за работу пятьсот баксов.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что мы одни на пустынной ночной улочке, я достаю пачку денег.

– В аэропорту найдёшь стюардессу с русского самолёта, и вручишь Олю с документами ей. Всё понял?

Пересчитав деньги, я протягиваю ему пачку, но, вместо ответа я вижу, как меняется его выражение лица, пытающееся мне что-то сказать. И, в тот же миг, кто-то сзади, выхватив у меня из рук все деньги, начинает быстро убежать. «Неужели опять Оля?» – первое, что приходит мне на ум. Но, удаляющийся силуэт совсем не похож на женский.

– Стой, стой! – кричит Женёк, пытаюсь догнать появившегося, как из-под земли, грабителя. Доли секунды мой мозг размышляет: бежать или нет. С одной стороны – ночь, бомбейские трущобы, рискованно, и не такие уж большие деньги, всего тысяча долларов. Но, с другой стороны – целая неделя с сумасшедшей Олей, мне нужна реабилитация, мне нужны мои деньги.

– Стой, сука!!! – ору я, на бегу сбрасывая мешающие мне тапочки.

Сделав резкое ускорение, и добежав до угла, я вижу, как сукин сын пытается заскочить в машину с открытой дверью, уже трогаящуюся с места. На секунду представив себя медведем, я с диким ревом делаю два огромных прыжка и обрушиваюсь на голову перепуганного грабителя. Вспомнив филиппинских воинов, я издаю безумный крик самца-победителя и, обхватив своего врага за шею, начинаю его душить, требуя денег.

– Money! Fucking monkey, give me my money²! – ору я, как сумасшедший, в тишине пустынной ночной улицы. На мои крики, как в фильме ужасов, из мусорных баков, из картонных коробок, начинают вылезать жители трущоб. Начиная задыхаться, индус-грабитель бросает в сторону мои деньги. Словно в художественном фильме, откуда-то взявшийся порыв ветра закручивает в маленький смерч ценные бумажки, за которые я решил рискнуть своей жизнью. Тут же несколько пар глаз загорается искрами легкой

²Money! Fucking monkey, give me my money- Деньги, грёбанная обезьяна, давай мне мои деньги.

добычи на пустынной бомбейской улице. На секунду заглянув каждому в глаза, я рывкаю таким сумасшедшим криком, что каждый из них понимает, что я готов на всё, и никто из них не осмеливается подойти ближе. Дав пинка в живот лежащему горе-грабителю, я собираю быстро все деньги и подбегаю к сидящему за рулем сообщнику водителю. Всё ещё взведенный до бешенства, я так громко рывкаю ему в лицо, что тот с перепугу достает из кармана свои пятьсот рупий и протягивает мне.

Рассчитавшись с Женьком и вызвав такси, через пятнадцать минут я уже ехал в аэропорт с единственным желанием побыстрее оказаться в Гоа. Надо бы позвонить Олиной маме, сказать, что операция закончена.

– Алло, Татьяна Петровна? Здравствуйте, встречайте завтра вашу дочь. Я свою работу сделал. Мой друг сегодня посадит её на самолёт.

– Васенька, как же мне вас отблагодарить? – слышу я в трубку плач пожилой женщины. – Храни вас Господь.

– Не стоит меня благодарить. Друг её мне заплатил вполне достаточно.

– Тогда я за вас завтра в храме поставлю свечку.

– Всё будет хорошо с вашей дочкой, главное, – не позволяйте ей есть никакие наркотики, они ей противопоказаны.